

Взгляд митрополита Нестора (Анисимова) на русскую эмиграцию в Харбине

Галина Сергеевна Поповкина,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: galina.popovkina@gmail.com

В результате эмиграции после Октябрьской революции 1917 г. в восточном направлении значительная часть покинувших Россию оставалась в полосе КВЖД и её экономическом и социальном центре Харбине, сохранившем русский уклад и традиции, ставшем сосредоточием просветительской и культурной жизни русских в Маньчжурии. Во многом сохранению своеобразия Харбина как русского города способствовала активность приходов русской церкви, впоследствии образовавших самостоятельную епархию. Одним из самых заметных и не всегда однозначных деятелей Русской православной церкви этого периода является митрополит Нестор (Н.А. Анисимов). Период его работы в Харбине недостаточно проанализирован с точки зрения восприятия им русской эмиграции в данном городе. Представляется актуальной научной задачей дополнение характеристики личности митрополита Нестора и освещение малоизвестных фактов его биографии, составление «портрета» русской эмиграции по восприятию её митрополитом и выяснение его отношения к политическим веяниям, имевшим место в среде эмиграции в 1920—начале 1930-х гг. Своё впечатление о русской эмиграции митрополит зафиксировал только в двух очерках, которые проанализированы в данной статье. Он сосредоточивает внимание на таких чертах эмигрантской жизни, как религиозность, трудолюбие, стремление сохранить русские традиции и т.д. Описания особенностей жизни эмигрантов в очерках не всегда подтверждаются выводами исследователей. Также выяснено, что во вступлении Японии на территорию Маньчжурии и распространившихся в эмигрантской среде идеях фашизма митрополит Нестор видел возможность освобождения России от коммунистического режима. В целом он демонстрирует наивное восприятие как окружающей его действительности, так и политических идей и течений.

Ключевые слова: русская дальневосточная эмиграция, митрополит Нестор (Анисимов), Харбин.

The View of Metropolitan Nestor (Anisimov) on Russian Emigration in Harbin.
Galina Popovkina, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: galina.popovkina@gmail.com.

As a result of emigration after the October Revolution of 1917 in the eastern direction, a significant part of the emigrants stayed in China and its

economic and social center Harbin, which preserved the Russian way of life and traditions and became the center of the educational and cultural life of Russians in Manchuria. In many ways, the preservation of the originality of Harbin as a Russian city was facilitated by the activity of the parishes of the Russian Church, which later formed an independent diocese. One of the most prominent and not always unambiguous figures of the Russian Orthodox Church of this period is Metropolitan Nestor (N.A. Anisimov). The period of his work in Harbin has not been sufficiently analyzed from the point of view of his perception of the Russian emigration in Harbin. It seems to be an important scientific task to complete the characteristics of the personality of Metropolitan Nestor and to introduce little-known facts of his biography, to draw up a "portrait" of the Russian emigration in the eyes of the metropolitan and to clarify his attitude to the political trends that took place among the emigration in the 1920s and the early 1930s. Metropolitan Nestor left his impression of the Russian emigration only in two essays, which are analyzed in this paper. In his works, Metropolitan Nestor focuses on such features of the emigrant life as religiosity, diligence, the desire to preserve Russian traditions, etc. The descriptions of the features of the life of emigrants in the essays of Metropolitan Nestor are not always confirmed by the conclusions of researchers. It was also found out that Metropolitan Nestor thought that the entry of Japan into the territory of Manchuria and the ideas of fascism spread among the emigrants could liberate Russia from the communist regime. In general, Metropolitan Nestor demonstrates a naive perception of both the reality surrounding him and political ideas and trends.

Keywords: Russian Far Eastern emigration, Metropolitan Nestor (Anisimov), Harbin.

Революция в 1917 г. в России неизбежно повлекла суровые перемены в жизни всего общества, гражданскую войну, эмиграцию. В восточном направлении значительная часть уехавших из страны останавливалась в полосе КВЖД и её экономическом и социальном центре Харбине, сохранившем русский уклад и традиции, ставшем сосредоточием просветительской и культурной жизни русских в Маньчжурии. Во многом сохранению своеобразия Харбина как русского города способствовала активность приходов русской церкви, впоследствии образовавших самостоятельную епархию.

Одним из самых заметных и не всегда однозначных деятелей Русской православной церкви этого периода является митрополит Нестор (Н.А. Анисимов). Он известен прежде всего как самоотверженный православный миссионер, автор очерков «Моя Камчатка», «Православие в Сибири» и др. После утверждения на Камчатке советской власти в 1920 г. он уехал сначала в японский город Цуруга, позже — в Харбин, где продолжил деятельность православного священника, организовав Камчатское подворье в Харбине, Дом милосердия и др.

О митрополите Несторе существует много как научных и научно-популярных публикаций в связи с его трудами на Камчатке

(Б.И. Пивоваров, Н.М. Векшина, О.В. Косик, Н.В. Толкачева, А.И. Ткалич, Ю.О. Новик и др.), деятельностью в Маньчжурии (С.Н. Баконина, А.Б. Ефимов, Д.А. Баранцева, К.В. Бирюкова и др.), так и жизнеописаний (С.В. Фомин, А.К. Караулов, Е.В. Добротушенко, М.И. Одинцов и др.). Тем не менее период его работы в Харбине недостаточно проанализирован с точки зрения восприятия им русской эмиграции в данном городе. Митрополит Нестор оставил воспоминания о жизни русских эмигрантов и своих дальневосточных наблюдениях только в двух работах: «Маньчжурия — Харбин» (Белград, 1933), «Очерки Дальнего Востока» (Белград, 1934). Представляется актуальной научной задачей составление «портрета» русской эмиграции по её восприятию священнослужителем и выяснение его отношения к политическим веяниям, имевшим место в среде покинувших Россию в 1920-х — начале 1930-х гг., то есть дополнение характеристики личности митрополита Нестора и освещение малоизвестных фактов его биографии. Для этого проведены анализ написанных им очерков «Маньчжурия — Харбин», «Очерки Дальнего Востока» и их сопоставление с выводами исследователей о состоянии русской дальневосточной эмиграции в рассматриваемый период.

Описанию эмигрантской жизни в Харбине посвящён очерк «Маньчжурия — Харбин», который начинается с упоминания о стране, «где русские могли и могут жить доселе не в чуждых, незнакомых условиях, а в родном, с детства привычном и милом быте. Страна эта — Маньчжурия с центром в Харбине» [11]. Здесь, по мнению митрополита Нестора, сохранился привычный для русского человека быт, возможность самостоятельно заниматься сельским хозяйством. Однако до 1930-х гг. русские поселенцы вынуждены были терпеть притеснения со стороны китайских властей: «налоги за всё, буквально даже за воздух», запреты строить храмы и открывать школы, необходимость вносить дополнительную плату за переезды из одной деревни в другую и т.д. [11]. Финансовое бремя было непомерно велико, а его уплата взималась нечестным и бесчеловечным образом: «Огромный, тяжёлый налог — семнадцать долларов с десятины земли — чиновники старались получить по нескольку раз в год, и никаких квитанций в получении его русским не оставляли. Торговцы и ростовщики угнетали тех, кто задолжал им, и даже принуждали дочерей неуплатных должников отрабатывать долг отца позорным ремеслом» [11]. К этому наблюдению следует добавить и факты о тяжёлом положении советских граждан, оказавшихся заложниками советско-китайских конфликтов на КВЖД в 1924—1929 гг., когда «совграждане — и те, кто вёл агитационную работу, и те, кто напрямую не имел отношения к коммунистической пропаганде, — часто подвергались всякого рода провокациям, актам произвола и „ничем не обоснованного резкого попраения их прав и интересов“ со стороны китайских властей ТВП¹» и т.п. [21, с. 125].

¹ [Автономия] Трёх восточных провинций Китайской Республики.

Сочувствует митрополит Нестор недавно пришедшим в Трёхречье крестьянам и казакам, которых местные власти продавали обратно большевикам по 15 долл. за 1 чел. [11]. Сильно пострадало Трёхречье в 1929 г., «когда почти все посёлки его были разграблены красными партизанскими отрядами», в результате чего сотни сирот оказались в харбинских приютах [11]. Только в начале 1930-х жизнь переселенцев улучшилась: в несколько раз уменьшился налог с десятины, стало разрешено строить церкви, оказывалось содействие в постройке школ, были намечены к возведению два монастыря, судебные дела велись непредвзято, от «красных партизан» население охраняли японские отряды, с хунхузами власть начала вести упорную борьбу [11]. Как отмечают исследователи, в 1930—1931 гг. акты насилия над советскими гражданами со стороны китайской полиции «пошли на убыль, но продолжились в основном по отношению к революционно настроенной комсомольской молодёжи. Конфликтные эксцессы на КВЖД не исчезли, хотя и приобрели более сдержанный характер» [21, с. 152].

Особенно радовали митрополита Нестора налаживание и расцвет русской жизни в этом крае под флагом Маньчжоу-Го. Он с воодушевлением рассказывает о строительстве и освящении новых храмов, о религиозном рвении русских поселенцев и почти воспекает их «полезную трудовую жизнь» «в союзе трудящегося человека с благостной матерью-природой» [11]. Однако исследователи этого периода русской дальневосточной эмиграции указывают на «фактически бесправное положение русских эмигрантов. Так, за каждую провинность русского эмигранта следовал штраф, размер которого зависел от настроения полицейского чиновника. В суде русские всегда проигрывали. Всё это отягощалось сложившейся в Китае системой поборов и притеснений» [10], имело место необоснованное заключение под стражу русских поселенцев и длительное рассмотрение уголовных дел, возбуждённых в отношении эмигрантов, необоснованные обыски на квартирах русских граждан, а с приходом японцев в Маньчжурию условия повседневной жизни русских эмигрантов ухудшились [5]. Через восемь лет после издания очерка «Маньчжурия — Харбин» митрополит мог видеть, как японцы ужесточили террор в отношении русских эмигрантов, с 22 июня 1941 г. запретив им всякое общение с советскими гражданами и жестоко карая ослушавшихся. Погиб и один из иподиаконов владыки Нестора [7].

Приступая к повествованию о Харбине, автор очерка отмечает, что Харбин — самый большой город Маньчжурии, центр «русского рассеяния на Дальнем Востоке» [11] с 400 тыс. населения; «из этого числа около трёхсот тысяч китайцев. Но китайцы сосредоточены главным образом в городе Фудзядяне, прилегающем к Харбину, в самом же Харбине преобладают русские, которых там около 100 000 человек. Из них 50% эмигрантов, 10% китайских, ныне маньчжурских, подданных и 40% советских» [11]. По наблюдениям митрополита Нестора, в приходах состояло около 60 тыс. чел. Не посещали церковь евреи, армяне,

татары и «те из советских граждан, кто по политическим причинам отказались от Церкви». Священнослужитель считает, что большая часть харбинских советских граждан приняли «это клеймо» (советское гражданство) по экономическим соображениям, в действительности же они состоят членами приходов и исполняют «религиозные обязанности»: «...таковых принято называть „редисками“ — внутри белые, а снаружи красные» [11]. Митрополит отмечает, что в Харбине существует 22 православных храма и устраиваются временные церкви в русских учебных заведениях, и с радостью описывает годовой цикл церковных празднеств, которые придают городу «ещё более русский вид» [11]: Рождество, Новый год, Богоявление, Прощёное воскресенье, Пасха и др. Судя по этим записям, традиции праздников не претерпели каких-либо изменений. Например, в Рождество «со звездой путешествуют» толпы русских детишек, поющих тропарь и кондак праздника, в Богоявление (Крещение Господне) «в бассейне с освящённой водой, по старинному русскому обычаю, купаются богомольцы. Несмотря на тридцати-сорокаградусные морозы, обычно бывает от десяти до двадцати купальщиков» [11] и т.д. Во время Великого поста люди охотно посещают духовные концерты, «темп мирской жизни» Харбина значительно уменьшается, а на Страстную неделю «закрывается большинство кинематографов и других театров» [11]. В пасхальную ночь в церквях бывает «буквально весь Харбин, не только русский, но иностранцы, китайцы, японцы, инославные, иноверные» [11], а в течение всего периода Пасхи «весь Харбин, и улицы, и дома имеют поистине праздничный вид» [11]. О широком торжестве православных праздников в Харбине, например Крещения, писали и современники митрополита [8].

Напротив, празднование советской революции воспринимается священником как «зловещее и грустное пятно на фоне харбинской жизни» [11], даже иллюминация над официальными советскими учреждениями загорается «зловещим красным светом», возле квартир вывешиваются «красные знаки», а советские граждане называются им «подданными серпа и молота» [11]. По мнению митрополита Нестора, «православный русский люд в эти дни усиливает свою молитву за страдальцу Россию» [11].

Значительное место в рассматриваемом очерке занимает описание учебных заведений Харбина. Центр русской жизни в Китае стал и образовательным центром для русских эмигрантов. По словам священника, «в Харбине восемь высших учебных заведений, двадцать эмигрантских и тринадцать советских гимназий, реальных и ВНУ училищ, девятнадцать эмигрантских и семь советских низших школ, двадцать всевозможных специальных технических и ремесленных школ», кроме того, «учреждается там русский университет имени святого князя Владимира» [11]. Со ссылкой на «одного из руководителей харбинского педагогического мира», митрополит Нестор указывает, что «в Харбине в пять раз больше русских университетов,

училищ и школ, чем во всех остальных странах зарубежья. Учителя в этих школах 15 833 ученика. Целая армия учащихся всех возрастов и положений» [11]. Действительно, Харбин стал центром русского образования в восточной эмиграции, и, хотя обучаться в вузах могло всё население Маньчжурии, основную часть студентов составляли русские [4]. Тем болезненнее сказались на эмигрантском сообществе проводимые правительством Маньчжоу-Го в 1930-х гг. реформы образования, в результате которых были реорганизованы и закрыты русские вузы в Харбине [4].

Много внимания митрополит Нестор уделяет в своей работе воздействию церкви на детей и юношество. По его мнению, «Церковь в Харбине имеет огромное влияние на всю молодёжь, даже на советскую», прежде всего «благодаря школам и училищам»: «Закон Божий преподаётся во всех эмигрантских школах» [11], а также белым эмигрантским юношеским организациям, которые «льнут к Церкви» [11]. Скаутская и разведческая организации Харбина находились «под глубоким церковным влиянием»: «Там молодёжь, получающая хорошее национальное воспитание в порядке и дисциплине, находится под постоянным и близким надзором священников» [11]. Стоит отметить, что юношеские эмигрантские организации так или иначе провозглашали сохранение русских традиций и христианских ценностей, в связи с чем патронаж духовенства выглядел вполне закономерным. Сам митрополит Нестор активно публиковался на страницах эмигрантской периодики, часть которой издавалась юношескими организациями, например газета фашистов «Наш путь» [2]. Исследователи отмечают, что обращения священнослужителей к подросткам «не содержали рассказов об истории Русской православной церкви, наставительных жизнеописаний святых и великомучеников, т.е. являли собой не поучение, а, скорее, учение о смысле жизни...» [3]. Может быть, священнику, сосредоточенному на религиозной жизни, удавалось не замечать политическую подоплёку молодёжных организаций.

Необходимо учитывать, что молодёжные союзы никогда не существовали сами по себе, а находились в тесном взаимодействии со «взрослыми». Так, скаутской организации оказывало поддержку Российское студенческое общество (РСО), непосредственно связанное с русским фашизмом в Маньчжурии [18]. Национальная организация русских разведчиков (НОРР) сблизилась с Русским Общевоинским союзом (РОВС) и поддерживала дружественные отношения со скаутами [18]. Возможно, митрополит Нестор не стремился разбираться в тонкостях существования и идейного наполнения деятельности молодёжных организаций, стремясь донести до подрастающего поколения ценности христианства и религиозной жизни.

С удовлетворением священнослужитель говорит о Высших богословских курсах, которые являлись «центром всей интеллигентной церковной молодёжи» и где обучалось в то время более

60 студентов [11]. По окончании курсов выпускники могли посещать религиозно-философский кружок. При Богословских курсах существовал и женский кружок Святой Великомученицы Екатерины, который также вёл «религиозно-научную и просветительскую работу» [11]. Кроме того, почти в каждом храме были молодые церковнослужители, исполнявшие обязанности иподьяконов, псаломщиков, певчих, рипидоносцев. Такая тесная близость молодёжи к церкви, по мнению митрополита Нестора, способствовала формированию в Харбине «здорового и хорошего поколения» [11].

Однако эти наблюдения не подкрепляются некоторыми замечаниями священнослужителя о проблеме воспитания детей в духе православия: «Часто целые семьи раскалываются и распадаются из-за вопроса о воспитании ребенка в Церкви или безбожии» [11]. Современник митрополита Нестора, Святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский (епископ Шанхая с 1934 г.), в одной из своих проповедей уделяет много внимания нравственному состоянию русской эмиграции. Отмечая образцы духовного подъёма, жертвенности, он также рассуждает о проблемах семьи и брака, воспитании детей, влиянии порочных зависимостей на человека и т.п. Указывает, что немногочисленные русские школы не всегда отвечают своему назначению и русские дети учатся в иностранных школах, вырастая чуждыми России и русской культуре [15]. Можно сказать, что в области морально-нравственного состояния русская эмиграция была неоднородна, однако митрополит Нестор в своей работе акцентирует внимание лишь на положительных примерах эмигрантской жизни.

Остро стоял вопрос материального обеспечения русских эмигрантов в Харбине. Даже получив хорошее образование, они не могли найти работу по специальности: «Город переполнен молодыми силами с большими полезными знаниями: инженерами, переводчиками, бухгалтерами, стенографами. Но применить свои знания им совершенно негде. И приходится или идти на маленькие, плохо оплачиваемые должности, или уезжать в чужие края без уверенности, что и там понадобятся с трудом накопленные знания» [11]. В итоге получалось, что молодые инженеры служили сторожами, бухгалтеры и стенографы — полицейскими: «В Харбине найти хорошую, подходящую службу труднее, быть может, чем где бы то ни было... не лучшее ожидает и тех, кто покидает Харбин» [11]. С глубоким сожалением митрополит Нестор рассказывает о том, с каким трудом приобретаются знания молодыми людьми «в прекрасных харбинских высших учебных заведениях»: для этого нередко необходимо совмещать работу и учёбу, жертвуя здоровьем, но эти «знания оказываются часто впоследствии совершенно бесполезными» [11]. Как отмечают исследователи, «в отличие от Западной Европы, где молодое поколение россиян успешно адаптировалось к новым условиям жизни, в Маньчжурии оно составляло основную часть безработных (25% всего трудоспособного населения)» [9]. Более того,

с приходом японцев ситуация с трудоустройством русских эмигрантов ухудшилась, так как те заменили их на инженерных и других должностях [1]. Итак, одной из главных помех благополучной жизни эмигрантов в Харбине были безработица, отсутствие возможностей реализовать свои знания и способности и вследствие этого тяжёлое материальное положение.

Русская эмиграция оказалась активно вовлечена в общественно-политическую жизнь. По подсчётам священнослужителя, в Харбине было зарегистрировано 139 русских эмигрантских организаций — «общественных, политических, военных и благотворительных» [11]. Их перечисление демонстрирует «печальную картину дробления и разделения национальных сил». Действительно, многие мелкие организации объединялись под эгидой более крупных: «около Общевоинского союза, около Беженского комитета, Общественного комитета и Казачьего союза. Существуют организации молодёжи: фашисты, мушкетёры, сокола, крестоносцы и проч. Некоторые организации ведут свою работу самостоятельно» [11]. Картина общественно-политических сил маньчжурской эмиграции выглядит ещё более пёстрой, если учесть, что «активной политической деятельностью на чужбине занимались немногие: по разным источникам — 3—5% всех эмигрантов» [9].

Митрополит Нестор считал, что между организациями существует нездоровая конкуренция, но нет непримиримой вражды. Он приводил примеры их совместных выступлений: «Так, например, совершенно объединённо выступила эмиграция в дни посещения Маньчжурии Комиссией Лиги Наций... пред лицом новых властей края, представляя им пожелания в деле улучшения быта и работы эмиграции в Маньчжурии. Ещё более единодушно была в 1929 году проведена работа по оказанию помощи пострадавшим жителям Трёхречья, в 1932 году — по спасению жертв наводнения» [11]. Но указывает, что такое единодушие долго не держится и союз снова распадается. Следует отметить, что попытки объединения происходили, как правило, с целью солидаризоваться против советской власти в одно мощное движение [20]. Видимо, священник наблюдал отсутствие вражды между молодёжными организациями «белого» толка и совершенно не замечал другой стороны их жизни. Известно о постоянных драках мушкетёров и крестоносцев с «отмольцами» — отрядами молодёжи, по сути, комсомола и пионерии. «Вероятно, удерживать крестоносцев в рамках „рыцарского поведения“ получалось не всегда: во второй половине 1920-х гг. драки между белой и красной молодёжью в Харбине, в которых были раненые и даже убитые, стали делом обычным» [17]. Более того, Харбин оказался «буквально разделён на зоны, контролируемые теми или иными группами: „Чёрное кольцо“, „Орден крестоносцев“, „13“, „Красная перчатка“, „Орлы Ильича“ — кого здесь только не было. Общая численность отмольцев в Северной Маньчжурии в это время доходила

до 2,7 тыс. человек. „Белые“ и „красные“ имели свои места для сборов, „свои“ кафе, спортивные клубы (главным „белым“ спортивным клубом являлся „Санитас“). Отношения между „белыми“ и „красными“ были очень напряжёнными и нередко выливались в драки, иногда массовые с применением кастетов, палок, ножей» [16]. Противостояние с «красной» молодёжью становилось основной точкой приложения энергии юношеских организаций [16].

Священнослужитель с сожалением констатировал, что из-за раздробленности отсутствует какой-либо объединяющий русскую эмиграцию орган, выражающий её интересы во взаимодействии с властью: «Остро болезненно ощущает эмиграция в Харбине отсутствие в своей среде сильных могучих людей, которые бы спаяли её в одно целое. Нет вождя, нет стержня» [11]. Остаётся неясным, почему митрополит не обратил внимания на такую действенную структуру для решения комплекса проблем жизнеобеспечения, как Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ), созданный в 1923 г. и просуществовавший до 1945 г. [9]. Хотя в целом и исследователи отмечают разнородность и большие внутренние противоречия в эмигрантской среде, отсутствие в её организациях стремления к компромиссу, желание сохранить свою автономию [19]. «Взаимная грызня и недоразумения» стали, по мнению священника, причиной гибели тех осколков налаженной когда-то жизни, «которые были спасены или которые пытается строить на чужбине русский человек» [11].

В этой ситуации митрополит Нестор видел православную церковь духовной силой, объединяющей в Харбине и на линии КВЖД всю русскую эмиграцию, оплотом «национальной и духовной жизни» благодаря тому, что церковь в Маньчжурии была сплочённой и не разделялась ни на какие группировки [11]. С любовью рассказывает священник о церковной жизни Харбина. Это, прежде всего, благотворительная работа: при церквях существовали различные благотворительные женские кружки, Дом Милосердия, Русский Дом, Дом-Убежище, Серафимовская столовая и др. Значительное внимание он уделяет описанию построенных в Харбине храмов, многие из которых «являются исключительно ценными с художественной, архитектурной стороны» [11]. Также были женский и мужской монастыри, в которые приходили к монашеской жизни некоторые из эмигрантов, типография при мужском монастыре, издававшая церковную литературу и журнал «Хлеб небесный» [11], освещавший церковно-религиозную жизнь дальневосточной российской эмиграции и проблемы зарубежной православной церкви [6].

Митрополит Нестор подчёркивает, что духовная жизнь в Харбине богата и многообразна, а сам город — центр, «в котором сочетаются все культурные силы русского населения в Маньчжурии», несмотря на недостатки и несовершенства, присущие всему земному [11]. Священнослужитель выражает надежду, что в Харбине

«куются и централизуются» силы, способные освободить сначала часть, а позже, может быть, и всю Россию от «адских сил» [11].

Пояснение этой мысли можно найти в другой работе митрополита Нестора — «Очерки Дальнего Востока», где рассказывается о Японии. Восхищаясь этой страной, он акцентирует внимание на провале коммунистического движения там и становлении Японии на путь фашистской идеологии. Глубокий смысл видел священнослужитель в том обстоятельстве, что японец Савва Араки, военный министр, стоявший во главе фашистского движения и фашистских настроений в Японии в момент, когда она «приступает к выполнению вселенской миссии», был православным человеком [12]. Митрополит надеялся, что эти политические перемены приведут к масштабным последствиям: «Эти решительные внутренние сдвиги в Японии, совпавшие по времени и по внутреннему смыслу с такими же внутренними сдвигами в Германии, несомненно, отразятся на политическом положении всего мира» [12]. Он представлял себе исторический путь Японии в регионе Юго-Восточной Азии, где уже было заметно распространение коммунистических идей: «Постоянно усиливающееся влияние коммунистов в Китае и в Южной Азии нарушало самые жизненные интересы Японии: островная империя могла очутиться совершенно изолированной перед лицом материка, сплошь захваченного коммунистическими образованиями», — поэтому, по его мнению, эта страна должна была вести упорную борьбу «с враждебными ей влияниями коммунистов, с империализмом СССР» [12].

Митрополит Нестор приветствовал создание на территории Маньчжурии нового государства — Маньчжоу-Го, которое якобы проявило заботу к русским эмигрантам и приравнивало их в правах к маньчжурским подданным [12]. Восторженное отношение священника к Японии обусловлено, по всей видимости, её противодействием коммунистическим веяниям, что мешало ему адекватно оценивать действия японских властей и японской армии. Так, например, рассказывая о становлении Маньчжоу-Го, митрополит пишет: «Наконец, 5 февраля 1932 года Харбин был взят японскими войсками. При этом японцы, гоня противника через весь город, не дали ни одного выстрела в черте города, и на городской территории не пострадал ни один мирный житель» [12]. Трудно представить, как в XX в. одна армия теснит другую совершенно без выстрелов, таким способом преследования не вынудив обороняющихся перейти в прямое либо партизанское противостояние.

Симпатия священнослужителя к Японии определялась готовностью этой страны принять «решительные меры» против пропаганды СССР на территории Маньчжоу-Го, «ибо даже возможность такой пропаганды угрожает и самой Японии, и её историческим устремлениям на Тихом океане» [12]. Харбин же выступает, по его мысли, средоточием антисоветских сил, которые могут быть подкреплены со стороны Японии. Более того, митрополит Нестор желает СССР скорейшей войны, чтобы вернуть в Россию былое государственное

устройство: «важно было бы... для всего нашего национального дела вооружённое столкновение Советской России с любым достаточно сильным противником. В этом, насколько нам дано предвидеть события, единственный большой и значительный шанс для возрождения нашей Родины» [12]. По его мнению, об этом мечтает каждый русский и за рубежом, и на родине [12]. Однако священник не размышляет о неизбежных человеческих жертвах в случае войны, не предполагает захватнических устремлений со стороны противника, наивно надеясь лишь вернуть былую Россию и положение церкви в ней. Переживая трагедию вынужденной эмиграции, митрополит Нестор видит в фашизме и последовавшей ему Японии лишь освободительную силу, способную свергнуть ненавистный большевистский режим. Идеи фашизма, влекущие небывалый подъём национального духа, на фоне потрясения от потери Родины нередко привлекали представителей церкви и интеллигенции, но позже многие из них отвергли фашизм, увидев его чудовищное практическое воплощение [14]. В годы Великой Отечественной войны заграничная церковь продолжала оказывать поддержку нацистской Германии. Но политические взгляды митрополита Нестора меняются, и уже в 1943 г. он устанавливает связь с советским генконсульством в Харбине, делает денежные взносы в фонд помощи Красной армии, в связи с чем ему была передана устная благодарность от имени И.В. Сталина, в августе 1945 г. священнослужитель приветственно встречает советские войска [13]. Подтверждением ухода митрополита от увлечения фашистскими идеями служит попытка главы русского фашистского движения в Маньчжурии К. Родзаевского «расквитаться» с ним [13]. Однако ещё в начале 1930-х гг. священнослужитель горячо приветствует фашистские устремления эмигрантских сообществ в Харбине, как и японские захватнические амбиции.

Подводя итог, можно сказать, что в своих очерках митрополит Нестор демонстрирует взгляд на русскую эмиграцию человека, в первую очередь, православного, всей душой преданного своей вере. Ему видится благостная картина существования русской эмиграции в Харбине в 1920-х — начале 1930-х гг. Главные её черты — религиозность, трудолюбие, стремление сохранить русские традиции. Митрополит не замечает существующих противостаний между молодёжными организациями, влияние церкви в них кажется ему значительным. Глубокое сочувствие вызывают у священника страдания эмигрантов, их тяжёлое материальное положение. Большие надежды он связывает со вступлением Японии на территорию Маньчжурии и распространившимися в эмигрантской среде идеями фашизма. По-видимому, потрясение, связанное с утратой Родины и вынужденной эмиграцией, и желание во что бы то ни стало вернуть былую Россию, сформировали у митрополита Нестора несколько наивное восприятие как окружающей его действительности, так и политических идей и течений.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аурилене Е., Кротова М. Русские в Маньчжоу-Го: «свой» и «чужие» // Родина. 2012. № 12. С. 137—140.
2. Бабкина Е.С. Архиепископ Нестор (Н.А. Анисимов) на страницах молодёжной периодики дальневосточного зарубежья (по материалам приложения «Юный читатель „Рупора“») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64): в 3 ч. Ч. 3. С. 16—20.
3. Бабкина Е.С. Журналистика русского Китая для детей и молодёжи (1898—1945 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 184—198.
4. Бабкина Е.С. Периодическая печать, выпускавшаяся русскими учебными заведениями в Китае (1900—1930-е гг.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 17. С. 73—90.
5. Бакулина А.А. К вопросу о государственном регулировании положения российских эмигрантов в Маньчжурии (1918—1945 гг.) // Ойкумена. 2011. № 1. С. 60—67.
6. Говердовская Л.Ф. Развитие периодической печати и библиотечного дела русскими эмигрантами в Китае в 20—40 годы XX столетия // Вестник МГУС. 2007. № 2 (2). С. 105—111.
7. Ефимов А.Б. Благотворительная деятельность митрополита Нестора (Анисимова) в Китае // Гуманитарное пространство. 2019. Т. 8. № 5. С. 661—677.
8. Зиненко Я.В. Как русский Харбин Крещение праздновал: заметки очевидцев // Любимый Харбин — город дружбы России и Китая. Материалы междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае / отв. ред. Ли Яньлин. Владивосток: Изд-во Владивостокского гос. ун-та экономики и сервиса, 2019. С. 296—305.
9. Лазарева С.И., Сергеев О.И. Общественно-политическая активность российских эмигрантов в Китае в 20-е — 40-е гг. XX в. // Ойкумена. 2011. № 2. С. 145—156.
10. Наземцева Е.Н. Специфика политико-правового положения русской эмиграции в Китае в период обострения международной ситуации на Дальнем Востоке (1931—1937 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4 (12). С. 129—142.
11. Нестор (Анисимов), митр. Маньчжурия — Харбин. Белград: Царский вестник, 1933. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nestor_Anisimov/vernuvshijsjajdomoj-zhizneopisanie-i-sbornik-trudov-mitropolita-nestora-anisimova-tom-1/2 (дата обращения: 15.12.2021).
12. Нестор (Анисимов), митр. Очерки Дальнего Востока. Белград, 1934. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nestor_Anisimov/vernuvshijsjajdomoj-zhizneopisanie-i-sbornik-trudov-mitropolita-nestora-anisimova-tom-1/2 (дата обращения: 15.12.2021).
13. Одинцов М.И. Митрополит Камчатский Нестор: миссионер, эмигрант, духовный пастырь. Письма и документы. 1919—1961 гг. // Исторический архив. 2018. № 4. С. 115—135.
14. Поповкин А.В. Русские философы и фашизм: к проблеме интеллектуального соблазна национализма // Россия и АТР. 2015. № 2. С. 40—51.
15. Святитель Иоанн (Максимович). Духовное состояние русской эмиграции. Белград, 1938. URL: <https://pravoslavie.ru/1446.html> (дата обращения: 15.12.2021).

16. Смирнов С.В. «Один за всех и все за одного»: союз русских «мушкетёров» в северо-восточном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 1. С. 94—105.
17. Смирнов С.В. Орден крестоносцев в Маньчжурии (1924 — начало 1930-х гг.) // Россия и АТР. 2016. № 4. С. 145—154.
18. Смирнов С.В. Русские организации скаутов и разведчиков // Проблемы востоковедения. 2016. № 2. С. 81—85.
19. Смирнов С.В. Японская политика в Маньчжурии и русские эмигрантские организации (1932—1945) // Уральское востоковедение. 2007. № 2. С. 59—64.
20. Шульгина Н.В. Политическая обстановка в среде восточной ветви русской эмиграции: исторический аспект // Россия и АТР. 2013. № 1. С. 43—56.
21. Яхимович С.Ю. Советские граждане в Северной Маньчжурии (1924—1935 гг.). Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2015. 254 с.

REFERENCES

1. Aurilene E., Krotova M. Russkie v Man'chzhou-Go: «svoi» i «chuzhie» [Russians in Manchukuo: “Ours” and “Strangers”]. *Rodina*, 2012, no.12, pp.137—140. (In Russ.)
2. Babkina E.S. Arkhiepiskop Nestor (N.A. Anisimov) na stranitsakh molodezhnoy periodiki dal'nevostochnogo zarubezh'ya (po materialam prilozheniya «Yuny chitateľ „Rupora“») [Archbishop Nestor (N.A. Anisimov) on the Pages of the Youth Periodicals of the Far Eastern Diaspora (Based on the Materials of the Appendix “Young Reader of ‘Rupor’”)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 10 (64): in 3 parts, part 3, pp.16—20. (In Russ.)
3. Babkina E.S. Zhurnalistika russkogo Kitaya dlya detey i molodezhi (1898—1945 gg.) [Journalism of Russian China for Children and Youth (1898—1945)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2017, no. 47, pp.184—198. (In Russ.)
4. Babkina E.S. Periodicheskaya pechat', vypuskavshayasya russkimi uchebnymi zavedeniyami v Kitae (1900—1930-e gg.) [Periodicals Issued by Russian Educational Institutions in China (1900—1930s)]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*, 2018, no. 17, pp. 73—90. (In Russ.)
5. Bakulina A.A. K voprosu o gosudarstvennom regulirovanii polozheniya rossijskikh emigrantov v Man'chzhurii (1918—1945 gg.) [On the Issue of State Regulation of the Situation of Russian Emigrants in Manchuria (1918—1945)]. *Oyukomena*, 2011, no.1, pp. 60—67. (In Russ.)
6. Goverdovskaya L.F. Razvitie periodicheskoy pechati i bibliotechnogo dela russkimi emigrantami v Kitae v 20—40 gody XX stoletiya [Development of Periodicals and Librarianship by Russian Emigrants in China in the 1920s—1940s]. *Vestnik MGUS*, 2007, no. 2 (2), pp.105—111. (In Russ.)
7. Efimov A.B. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' mitropolita Nestora (Anisimova) v Kitae [Charitable Activities of Metropolitan Nestor (Anisimov) in China]. *Gumanitarnoe prostranstvo*, 2019, vol. 8, no. 5, pp. 661—677. (In Russ.)
8. Zinenko Ya.V. Kak russkiy Kharbin Kreshchenie prazdnoval: zametki ochevidtsev [How Russian Harbin Celebrated Epiphany: Notes of Eyewitnesses]. *Lyubimyy Kharbin — gorod druzhby Rossii i Kitaya*. Materialy mezhdunar. nauch.-praktich. konf., posvyashch. 120-letiyu russkoy istorii g. Kharbina, proshlomu i nastoyashchemu russkoy diaspory v Kitae [Favorite Harbin — the City of Friendship between Russia and China. Proceedings of the International Applied Research Conference Dedicated to the 120th Anniversary of the History of Harbin, the Past and the Present of the Russian Diaspora in China]. Executive

- ed. Li Yan'lin. Vladivostok, Izd-vo Vladivostokskogo gos. un-ta ekonomiki i ser-visa Publ., 2019, pp. 296—305. (In Russ.)
9. Lazareva S.I., Sergeev O.I. Obshchestvenno-politicheskaya aktivnost' rossiyskikh emigrantov v Kitae v 20-e — 40-e gg. XX v. [Social and Political Activity of Russian Emigrants in China in the 1920s — 1940s]. *Oykumena*, 2011, no. 2, pp. 145—156. (In Russ.)
 10. Nazemtseva E.N. Spetsifika politiko-pravovogo polozheniya russkoy emigratsii v Kitae v period obostreniya mezhdunarodnoy situatsii na Dal'nem Vostoke (1931—1937 gg.) [Specifics of the Political and Legal Situation of the Russian Emigration in China during the Aggravation of the International Situation in the Far East (1931—1937)]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*, 2016, no. 4 (12), pp. 129—142. (In Russ.)
 11. Nestor (Anisimov), mitr. *Man'chzhuriya — Kharbin* [Manchuria — Harbin]. Belgrad, Tsarskiy vestnik Publ., 1933. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Nestor_Anisimov/vernuvshijsja-domoj-zhizneopisanie-i-sbornik-trudov-mitropolita-nestora-anisimova-tom-1/2 (accessed 15.12.2021). (In Russ.)
 12. Nestor (Anisimov), mitr. *Ocherki Dal'nego Vostoka* [Essays on the Far East]. Belgrad, 1934. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Nestor_Anisimov/vernuvshijsja-domoj-zhizneopisanie-i-sbornik-trudov-mitropolita-nestora-anisimova-tom-1/2 (accessed 15.12.2021). (In Russ.)
 13. Odintsov M.I. Mitropolit Kamchatskiy Nestor: missioner, emigrant, dukhovnyy pastyr'. Pis'ma i dokumenty. 1919—1961 gg. [Metropolitan Nestor of Kamchatka: Missionary, Emigrant, Pastor. Letters and Documents. 1919—1961]. *Istoricheskiy arkhiv*, 2018, no. 4, pp. 115—135. (In Russ.)
 14. Popovkin A.V. Russkie filosofy i fashizm: k probleme intellektual'nogo soblazna natsionalizma [Russian Philosophers and Fascism: To the Problem of the Intellectual Temptation of Nationalism]. *Rossiya i ATR*, 2015, no. 2, pp. 40—51. (In Russ.)
 15. Svyatitel' Ioann (Maksimovich). *Dukhovnoe sostoyanie russkoy emigratsii* [The Spiritual State of the Russian Emigration]. Belgrad, 1938. Available at: <https://pravoslavie.ru/1446.html> (accessed 15.12.2021). (In Russ.)
 16. Smirnov S.V. «Odin za vsekh i vse za odnogo»: soyuz russkikh «mushketerov» v severo-vostochnom Kitae [“One for All and All for One”: The Union of Russian “Musketees” in Northeastern China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, no. 1, pp. 94—105. (In Russ.)
 17. Smirnov S.V. Orden krestonostsev v Man'chzhurii (1924 — nachalo 1930-kh gg.) [Order of the Crusaders in Manchuria (1924 — the early 1930s)]. *Rossiya i ATR*, 2016, no. 4, pp. 145—154. (In Russ.)
 18. Smirnov S.V. Russkie organizatsii skautov i razvedchikov [Russian Organizations of Scouts and Intelligence Officers]. *Problemy vostokovedeniya*, 2016, no. 2, pp. 81—85. (In Russ.)
 19. Smirnov S.V. Yaponskaya politika v Man'chzhurii i russkie emigrantskie organizatsii (1932—1945) [Japanese Policy in Manchuria and Russian Emigrant Organizations (1932—1945)]. *Ural'skoe vostokovedenie*, 2007, no. 2, pp. 59—64. (In Russ.)
 20. Shul'gina N.V. Politicheskaya obstanovka v srede vostochnoy vetvi russkoy emigratsii: istoricheskiy aspekt [The Political Situation in the Eastern Branch of the Russian Emigration: The Historical Aspect]. *Rossiya i ATR*, 2013, no. 1, pp. 43—56. (In Russ.)
 21. Yakhimovich S.Yu. *Sovetskie grazhdane v Severnoy Man'chzhurii (1924—1935 gg.)* [Soviet Citizens in Northern Manchuria (1924—1935)]. Khabarovsk, RIO DVYuI MVD Rossii Publ., 2015, 254 p. (In Russ.)